

Семантическая структура предложений и роль глагола в ее формировании

Шустова Светлана Викторовна*

Доцент кафедры иностранных языков, Прикамский социальный институт,
Россия, г. Пермь

(дата получения: 21/9/2007, дата подтверждения: 30/4/2008)

Краткое содержание

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, касающиеся определения статуса предложения в дихотомии язык–речь, закономерности формирования семантической структуры предложения, связь семантической организации предложения с семантическим потенциалом глагола. Глагол является ключевым элементом, открывающим процесс порождения смысла, в связи с этим в центре внимания автора находятся валентностный потенциал глагола, роль актантов в формировании смысла предложения, типы актантов, статус сирконстантов, а также явление инкорпорации.

Ключевые слова: предложение, смысл, актант, сирконстант, инкорпорация.

---

* Ответственный автор: E-mail: lana_schust@bk.ru

Введение

Предложение и его семантическая структура описываются с учетом того, что высказывание как непосредственно наблюдаемый факт, т. е. как явление «поверхностной» сферы языковой действительности, представляет собой продукт многоступенчатого порождающего процесса в «глубинной» сфере языка и что вместе с формированием предложения постепенно складывается и его семантическая структура, включающая в себя множество значений разного рода. В центре внимания находится валентностный потенциал глагола, определяемый на основе теории семантической валентности. Предлагаемый в настоящей статье подход к исследованию семантической структуры предложения соприкасается с идеями, получившими развитие в работах Ю. Д. Апресяна, А. В. Бондарко, С. Д. Кацнельсона, С. М. Кибардиной, Л. В. Шишковой, Е. В. Падучевой, Э. Бенвениста, В. В. Богданова, Ч. Филлмора, и многих других как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Основная часть

Несмотря на большое число работ, интерес к предложению и высказыванию не ослабевает, и это вполне закономерно, так как данная проблема в силу ее сложности и многогранности приводит к разнообразию мнений и исследовательских подходов.

Трудности, с которыми сталкивается лингвист при исследовании предложения, заключаются прежде всего в объективной сложности этого языкового феномена, в сложности его функциональных признаков, проявляющихся в отношении предложения к репрезентируемым ситуациям внешней действительности, к способам и формам отображения этой действительности в сознании, к системам, именуемым языком, текстом (или речью) и коммуникативным действием (или речевым актом).

Современное языкознание, базирующееся на результатах предшествующих исследований в области изучения предложения, отмечает

многоплановость, многоаспектность предложения, что делает невозможным дать исчерпывающее определение предложения в одной формулировке. Лингвистические изыскания сосредоточены на многих вопросах, связанных с определением статуса предложения.

В европейской лингвистической традиции основной единицей языка рассматривается слово. Именно оно находится в центре лингвистических описаний. Вопрос возникает о статусе предложения в системе языка. Ф. де Соссюр отмечал, «... в какой мере относится фраза к сфере языка. Если она принадлежит к сфере речи, она не может служить языковой единицей» [Соссюр 1999: 124]. Далее: «... типичным проявлением синтагмы является предложение, а оно принадлежит речи, а не языку» [Там же]. «К языку, а не к речи надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам» [Там же: 125]. Но надо признать, что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы [Там же: 125].

Слово существует изначально, остальные языковые знаки порождаются с его помощью. М. А. Кронгауз считает, что справедливость этого тезиса относительна, верным данный тезис может считаться лишь статистически [Кронгауз 2001: 125]. В процессе семантического анализа слов устанавливается значение морфемы, а значение предложения выявляется в результате использования правил семантического комбинирования. Г. Фреге сформулировал принцип композиционности, согласно которому значение сложного выражения есть функция значений его частей и синтаксических правил, их соединяющих. Е. В. Падучева в своей работе «О семантике синтаксиса» [1974] отмечает, что «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций» [Падучева 1974: 12]. Е. В. Падучева разрабатывает принцип Г. Фреге, который играет большую роль в формальной семантике, но понимается в узком смысле, предполагающем некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом. Принцип

композиционности рассматривается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и прочее в составе высказывания [Падучева 1999: 3]. Высказывание противопоставляет фрагменту реального мира некую семантическую структуру; это то, что говорящий видит в данном фрагменте мира. Семантические структуры позволяют устанавливать между предложениями отношения логического и семантического следования, противоречия, эквивалентности. Смыслы отдельных слов в составе предложений взаимопроникают один в другой, в разных случаях по-разному. При соединении в единое целое неизбежно происходит преобразование смыслов частей. Правила композиции смыслов мыслятся как преобразование исходного лексико-синтаксического в семантическое представление того же предложения. Каждое правило касается отдельного словосочетания, но существенна установка на возможность прийти к смыслу целого. Лексический состав предложения и синтаксическая структура – главные компоненты представления смысла предложения. Правила композиции решают следующие проблемы: 1) имеет место указание на способ соединения смыслов отдельных слов в единое целое; 2) в явном виде представлено изменение значений слов под влиянием лексического и синтаксического контекста.

Э. Бенвенист подчеркивает сложность определения отношения между словом и единицей высшего уровня (предложением). «Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение – это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово – компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения. Но слово не обязательно выступает в предложении в том же самом смысле, который оно имеет, как самостоятельная единица» [Там же].

Э. Бенвенист рассматривает слово как синтагматический элемент – компонент эмпирических высказываний. Предложение содержит

конститутивные единицы, оно не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня. Предложение определяется только своими конститутивными элементами, а слово одновременно содержит конститутивные единицы и функционирует как интегрант [Бенвенист 2002: 133, 135].

Основная задача лингвистики состоит в установлении соотношения формы и значения, означающего и означаемого. «Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно как голова Медузы всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» [Бенвенист 2002: 136]. Форма и значение должны определяться друг через друга. Форма языковой единицы определяется и как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня. Форма и значение, таким образом, выступают как совмещенные свойства, обязательно и одновременно данные, неразделимые в процессе функционирования языка [Бенвенист 2002: 137].

Э. Бенвенист отмечает, что «сегментировать предложение возможно, но невозможно сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня. Это объясняется предикативностью. Предложение содержит знаки, но само не является знаком. Для предложений не существует ни законов дистрибуции, ни законов употребления. Список употреблений одного слова может быть не закончен. Список употреблений предложения не может быть даже начат. Предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (le' discours) [Бенвенист 2002: 139].

Фраза относится к сфере речи, к языку относится не фраза, а шаблон по которому она составляется. Этот шаблон заключен в предикате, в качестве

схемы развертывания фразы. Между «пропозициональной функцией» (схема развертывания мысли) и структурной схемой предложения отсутствует изоморфизм, так как предложение не является простой копией пропозиции [Кацнельсон 2001: 614]. Предложение не является единицей языка, так как предложения заранее не фиксированы, «отсутствует глоссарий предложений. Структурные схемы предложений даны в языке в виде глаголов. Глагол заключает в себе лишь схему ядра предложения, т. е. наименование ситуации и предлагаемых ею аргументов. Остальные члены предложения определяются не предикатом, а общими задачами построения текста, т. е. отношением между предикатами, планом изложения, отношениями времени и пространства [Кацнельсон 2001: 614-615]. С. Д. Кацнельсон продолжает: «Пропозиция в языковом отношении составная единица и поэтому не может быть названа элементарной единицей языка. Это минимальная единица речи, но как единица речи она не знак, а то, что строится из знаков. Знаков в языке ограниченное количество (вспомним <мысль> Гумбольдта о том, что язык производит бесконечное количество предложений из конечного числа знаков) [Кацнельсон 2001: 617]. Пропозиция рассматривается как семантическая структура предложения, отражающая структуру ситуации.

Пропозиция являет собой семантическое ядро высказывания, которое еще не является коммуникативной единицей, чтобы стать коммуникативной единицей, семантическая структура должна быть оформлена синтаксической структурой. Синтаксическая структура имеет определенное грамматическое значение. Таким образом, семантическое содержание предложения получает языковую интерпретацию. Значения всех аспектов предложения (синтаксический, семантический, функционально-коммуникативный) принимают участие в формировании смысла предложения, в связи с этим смысл высказывания всегда содержит больший объем информации, чем пропозиция. «Der langen Rede – kurzer Sinn» – так словами И. В. фон Гете можно определить понятие «смысл». «Смысл скрывается в поле возможных предпосылок и последствий данного факта, его возможных причин и

возможных следствий. Смысл непосредственно не дан, он подлежит раскрытию. Это то, что так или иначе вытекает из данного факта и позволяет осмыслить его, то, что является элементом суждения и размышления, попыткой ответить на вопрос, что может означать данный факт» [Кацнельсон 2001: 627].

По мнению Л. В. Кушниной, разграничивающей понятия «смысл» и «содержание», граница между содержанием и смыслом как при внутриязыковой, так и при межъязыковой коммуникации настолько же неуловима, и вместе с тем значима, как граница между эксплицитным и имплицитным содержанием высказывания. Содержание соотносится с эксплицитным компонентом высказывания, а смысл – с его имплицитными компонентами. Содержание моносеманлично, а смысл полисемантивен. Это означает, что каждый текст имеет лишь одно содержание, но порождает множество смыслов [Кушникова 2004: 196].

Смысл, по мнению Л.В. Кушниной есть целостная, динамическая единица текста, которая обнаруживается в процессе его анализа и интерпретации в виде дифференциальных смыслов, порождаемых в полях переводческого пространства и интегрального смысла как результата их синергии. В континууме переводческого пространства происходит своего рода «жизнь смысла»: его понимание переводчиком, его порождение автором и переводчиком, его транспонирование автором, переводчиком, реципиентом [Кушникова 2004: 199].

Важная роль в решении вопроса, касающегося смысла предложения, отводится семантической теории валентности, которая продолжает оставаться одним из актуальных направлений современного языковедения. Теория семантической валентности вносит серьезный вклад в исследование плана содержания и плана выражения в языке, в изучение сочетаемости слов и структуры предложения, прежде всего применительно к глагольной лексике. Благодаря исследованиям таких ученых как С. Д. Кацнельсона, С. М. Кибардиной, О. И. Москальской, И. Б. Долининой, Л. Теньера, М. Д.

Степановой, Г. Хельбига, Н. И. Филичевой, В. Г. Адмони, Т. Schippan, U. Engel и др. достигнуты определенные результаты в разработке понятийного аппарата данной теории, в частности в определении принципов валентностной стратификации глагольной лексики, в выявлении соотношения валентности и значения глагола, в выделении семантических типов актантов.

Современные семантические исследования ориентированы на изучение семантики слова как основной единицы языковой системы и содержательный анализ высказываний как минимальных продуктов мыслительно-речевой деятельности. Особое место в системе частей речи, как уже отмечалось, отводится глаголу благодаря его синтаксическим возможностям, сложности и многогранности его семантики.

В. фон Гумбольдт считает, что глаголу «придан акт синтетического полагания в качестве грамматической функции. Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь... Это нерв самого языка... Глагол как моментально протекающее действие есть не что иное, как сама сущность связей» [Гумбольдт 1984: 199-200].

Информация, содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения [Храковский 1999: 15].

С. Д. Кацнельсон отмечает, что "полновесное вещественное слово не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью" [Кацнельсон 1948: 132].

Сопоставляя субъектно-объектные функции с обстоятельственными, С. Д. Кацнельсон обращает внимание, прежде всего, на их различное отношение к

значению глагольного предиката. Субъектно-объектные функции, по его словам, обусловлены значением глаголы и характеризуют его «изнутри», выделяя непосредственно «замешанные» в обозначенном им действии предметы. Обстоятельства «характеризуют глагол как бы извне, указывая на локальные, темпоральные, каузальные и другие условия протекания глагольного действия. Они образуют как бы фон для основного содержания предложения и часто могут быть выделены в отдельное (самостоятельное или придаточное) предложение. Обстоятельства ... непосредственно не связаны с глагольным действием и поэтому могут уточнять собой действие любого глагола и часто сохраняют силу не только для данного предложения, но и для ряда других предложений того же речевого сообщения [Кацнельсон 1972: 43-44].

Вслед за С. Д. Кацнельсоном, С. М. Кибардина предлагает свое определение валентности: "Валентность глагола представляет собой способность сочетаться с определенным кругом языковых единиц, предопределяя их количество, семантику, способ и форму выражения" [Кибардина 1988]. Валентностные свойства глагола определяются его принадлежностью к семантическому типу глаголов с общей валентностной структурой. Конкретные глаголы модифицируют эту структуру в зависимости от семантических компонентов, входящих в их значение.

С. Д. Кацнельсон обозначает все зависимые от предиката элементы предикандумами.

Понятие обязательности (факультативности) актантов обычно рассматривается в (формально-)структурном плане. Поэтому несомненный интерес вызывает точка зрения С. М. Кибардиной, которая считает необходимым выделять не только структурно, но и содержательно факультативные актанты и разграничивает в целом следующие типы актантов:

–содержательно и структурно обязательные актанты – актанты конституирующие валентностную структуру типа глаголов, не опускаемые из предложения без нарушения его грамматически. Структурно и содержательно

обязательными являются прежде всего субъект (у всех типов глаголов, кроме бессубъектных) и объект (у многих типов или отдельных глаголов), в более редких случаях другие актанты, например, актант с пространственной семантикой у некоторых глаголов положения в пространстве и движения, актант, называющий признак, у глаголов поведения и некоторых других;

–содержательно обязательные, но структурно факультативные актанты – они конституируют валентную структуру типа глаголов, способны опускаться без нарушения грамматичности предложения и без изменения значения глагола, восстанавливаются на основе контекста и ситуации;

–содержательно факультативные актанты всегда модифицируют основную валентностную структуру типа глаголов. Их появление в предложении регламентируется в первую очередь коммуникативными факторами, в то же время они часто способствуют созданию своеобразной "структурной компенсации" в случае отсутствия содержательно обязательных актантов. Актанты этого типа обычно ограничены в семантическом плане и зависят не от типа, а от семантики конкретных глаголов.

Факультативные в структурном плане актанты всегда восстанавливаются из контекста.

Следует также отметить, что существует определенная зависимость между общим количеством актантов глагола и степенью их обязательности. Глаголы с количеством актантов более 2-х обычно не реализуют полностью свою валентностную структуру. Наличие или отсутствие актантов глагола в предложении является результатом взаимодействия валентностных свойств глагола, обусловленных его семантикой, со структурными факторами организации предложения: его коммуникативной установкой, тенденцией к употреблению наиболее частотных моделей предложения [Кибардина 1986].

Субъект и объект отличаются широтой семантики. Субъект называет носителя состояния, производителя (источник действия, а объект представляет собой актант, называющий предмет, на который направлено, с которым совершается действие; в результате этого действия он изменяется сам

(возникает, уничтожается, изменяет свойства, состояние, форму, положение и другие признаки), изменяет свое отношение к действию, к субъекту или другим участникам ситуации [Кибардина 1988: 108].

В. В. Богданов выделяет семантические функции и классифицирует их на три группы с точки зрения отношения к семантическому признаку одушевленность-неодушевленность: 1) функции, характеризующие семантемы одушевленных аргументов (агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив), 2) функция для неодушевленных аргументов (объектив, инструментатив, медиатив, элементатив), 3) функции, способные характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные аргументы (перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив, результатив). Фундаментальное различие между одушевленными и неодушевленными объектами заключается в том, что первые обладают собственным поведением. Агентив, например, может быть источником своего действия, не нуждается при этом в каком-либо постороннем движущем факторе, т.е. он сам определяет свое поведение. Неодушевленные объекты данным свойством не обладают и нуждаются в движущем факторе [Богданов 1977: 55].

Семантические функции аргументов, выделенные В. В. Богдановым, позволяют актуализировать большее семантическое разнообразие, так как они не связаны с синтаксическими ассоциациями.

В современных семантико-синтаксических исследованиях как актанты глагола рассматриваются не только слова, но и простые, и сложные предложения. Этим обусловлена тенденция выделять не предметные, а пропозитивные, событийные актанты типа Причина, Факт, Следствие, Содержание мысли и т.п. Глагол предeterminирует не лексические единицы в своем окружении, а некоторые смыслы. С этих позиций объектом изучения становятся «предикатные актанты» – семантические актанты с предикатным значением, которые выражаются преимущественно глагольными словами (неличными глагольными формами, девербативами и т.д.) или зависимыми предложениями.

Актант понимается как компонент семной структуры глагольного значения. В семантике глаголов как потенциальных синтагм заложены такие основные типы смысловых отношений как агенс-действие, субъект-состояние, действие-объект, свойство-предмет, источник-действие, действие-результат и другие. Они носят универсальный характер и обусловлены отношениями предметов, явлений и их признаков в реальной действительности. Е. В. Падучева подчеркивает, что «смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов и чего-то еще» [Падучева 1999: 4]. Глагол в каждом своем употреблении обозначает некую ситуацию, толкование приписывает участникам ситуации семантические роли, а предикату – категориальные предпосылки относительно каждого из участников.

Актант употребляется для обозначения элемента пропозиции, зависимого от предиката и соответствующего действующему лицу в ситуации. Внутренняя структура пропозиции определяется числом и характером актантов и сирконстантов. Синтаксическим актантам противопоставляются семантические. Актанты можно различать как элементы плана содержания, как роль в ситуации, и актанты как позицию в структуре предложения, предназначенную для определенных ролей.

Граница между актантами и сирконстантами не всегда проводится однозначно. В первом приближении актант – это обязательный участник обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстант – факультативный. Обязательные участники практически отождествлены с актантами (зависимые актанты, дополнения, аргументы, партнеры и др.), а необязательные – с сирконстантами (независимые актанты, свободные распространители, обстоятельства, адъюнкты) – как если бы актанты всегда были семантически обязательны, а сирконстанты факультативны [Богуславский 1996: 101; Падучева 1999: 8].

Наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как

цель или причина, существуют участники, выражаемые обстоятельствами, которые являются обязательными параметрами ситуации: из действия нельзя изъять время (если не было момента/отрезка времени, когда произошло событие, значит не было события); из движения, например, бега – скорость; из звука – громкость. Актант – это участник, обязательно присутствующий в кадре ситуации, а сирконстант вводит участника в кадр только своим присутствием в предложении [Падучева 1999: 8].

Интерес и одновременно трудность представляет толкование предикатных слов, т. е. слов, обозначающих ситуации с одним и более участниками. При толковании необходимым представляется указание всех участников соответствующей ситуации, их положения, состояния, постоянные и переменные свойства, их взаимоотношения и действия, включая способ осуществления последних [Апресян 1995: 52-55]. Ю. Д. Апресян приводит пример с глаголом *прибывать*, который функционирует в ситуации со следующим набором участников: субъект (тот, кто прибывает), объект (то, что прибывается), объект и одновременно место (то, к чему прибывают), инструмент (например, молоток), средство (например, гвозди) [Там же: 52]. Отсутствие хотя бы одного из участников дает другие ситуации, описываемые другими словами. По типу лексического значения актанты могут относиться к предметным, обозначающим конкретных участников ситуации, событийным, называющим ситуацию, призначным, называющим признаки предметов, ситуаций, признаков, и атрибутивным, называющим качественные признаки [Кибардина 1988: 108].

Актанты играют смысловозначительную роль. Один глагол отличается от другого набором актантов. Р. И. Розина приписывает глаголу *приехать* в ситуации перемещения следующих участников: того, кто перемещается (Агенс), то, куда перемещаются (Конечная точка), и то, на чем перемещаются (Инструмент-Место), в то время, как глагол *прибыть* выделяет только двух участников – Агенс и Конечную точку. Глагол *купить* имеет следующий набор участников – Агенс, Пациенс, Контрагент, Цена [Розина 2005: 37].

В процессе описания валентностных свойств глаголов выделяются валентностные типы – объединения глаголов (в одном конкретном значении) с общими валентностными свойствами. В валентностной классификации выделяются субъектные и объектные глаголы, которые в свою очередь подразделяются на валентностные типы в зависимости от семантики субъекта и объекта и наличия дополнительных актантов. Данным типам приписываются следующие общие признаки: количество и семантика актантов, характеризующиеся в связи с семантикой глагола, их обязательность/ факультативность в содержательном и структурном плане, предрасположенность к сочетанию с теми или иными распространителями [Кибардина 1985].

С валентностной точки зрения обнаруживаются разногласия в исследованиях инструментального компонента. Актант «инструмент» подразумевает элемент с орудийным значением, вопрос о семантической валентности на «способ» остается открытым. Орудийный актант рассматривается либо как содержательно обязательный, либо как содержательно факультативный. По мнению С. М. Кибариной данный актант можно квалифицировать как факультативный в содержательном и формальных планах, так как он удовлетворяет следующим признакам: 1) называет менее существенный элемент ситуации, чем объект воздействия и не требует обязательного выражения (его отсутствие не искажает информации о ситуации и не изменяет значения глагола); 2) находит выражение, как правило, в случае особой коммуникативной значимости; 3) может компенсировать в структурном плане отсутствие в высказывании содержательно обязательных актантов [Кибардина 1988: 91-93].

Инструментальное значение в виде актанта-способа довольно часто актуализируется в виде предложных сочетаний, придаточных изъяснительных, прямой речи, косвенной речи. В остальных случаях, когда инструментальное значение не представлено эксплицитно, оно инкорпорировано в семантике либо самого глагола, либо в семантике актанта-каузатора, что убедительно

доказывает лексикографическое толкование глаголов и контекст. Относительно инкорпорации актантов подчеркнем, что это лингвистическое явление состоит в фиксации и закреплении синтаксических актантов в семантическом потенциале глагола.

Таким образом, «точная семантическая значимость слова может быть достаточно установлена лишь в зависимости от конкретной ситуации» [Карцевский 2001: 79]. Единицей, которая становится ключевым элементом, открывающим процесс порождения смысла, является глагол.

Заключение

В семантике глагола отражены контуры ситуаций, которые составляют номинативную основу высказывания. Семантическая структура предложения рассматривается как глубинная, а синтаксическая – поверхностной, формальной. Реальное предложение существует и функционирует в синтаксической структуре, которая сама по себе имеет определенное грамматическое значение, а содержательная сторона предложения не связана обязательной связью с определенной грамматической структурой. Смысл представляет собой содержание, не связанное лишь с одним средством формального выражения, так как к сфере смысла относятся семантические категории и элементы речевой семантики. Смысл опирается не только на языковые формы. Особую значимость в этой связи приобретают вопросы, связанные с языковой интерпретацией семантического содержания. Лексикографическое толкование, демонстрирующее семантический потенциал слова, лексические значения слова, лексико-грамматические разряды, грамматические категории слова, синтаксические (формальные) конструкции, контекстуальные элементы, речевая ситуация, другими словами, окружающая среда (термин А. В. Бондарко), все это при взаимодействии с системой обуславливает формирование семантической структуры предложения.

Литература

- Апресян Ю. Д. *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды*. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. 767 с.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Пер. с франц. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- Богданов В. В. *Семантико-синтаксическая организация предложения*. Л.: Изд-во Лен. ун-та. 1977. 204 с.
- Богуславский И. М. *Сфера действия лексических единиц*. М., 1996.
- Гумбольдт. В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Бондарко А.В. *Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии*. 2006, № 1 (22). С. 22-32.
- Карцевский С.О. *Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева, В. П. Мурат, Г. И. Рапова*. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 76-81.
- Кацнельсон С.Д. *О грамматической категории // Вестник ЛГУ*, 1948, № 2. С. 114-134
- Кацнельсон С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. Л.: Наука, Ленинградское отд-ие, 1972. 216 с.
- Кацнельсон С. Д. *Категории языка и мышления. Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры. 2001. 864 с.
- Кибардина С.М. *Валентные свойства немецких глаголов*. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. 109 с.
- Кибардина, С.М. *Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах. Межвуз. сб. научн. трудов*. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. С. 94-100.
- Кибардина С. М. *Валентность немецкого глагола*. Дисс. ... докт. филол. наук. Л, 1988. 580 с.
- Кронгауз М. А. *Семантика*. М.: Рос. гос. гуманитар. Ун-т., 2001. 399 с.
- Кушнина Л. В. *Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: геиталь-синергетический подход*. Дисс. ... докт филол. наук, Пермь, 2004. 426 с.
- Падучева Е. В. *О семантике синтаксиса*. М.: Наука, 1974.
- Падучева Е. В. *Принцип композиционности в неформальной семантике// Вопросы языкознания*, № 5, 1999. С. 3-23.

- Розина Р. И. *Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол*. М.: Издательский центр Азбуковник, 2005. 302 с.
- Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики* / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. Ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
- Храковский В.С. *Теория языкознания. Русистика. Арабистика*. СПб.: Наука, 1999. 449 с.
- Шишкова Л.В., Смирнова Т.Ю. *Синтаксис современного немецкого языка*. М.: АСАДЕМА, 2003. 128 с.

